

Фоменко М.В.

**Эволюции образа врага. Российско-японское военное
противостояние и взаимное восприятие
в первой половине XX века**

Фоменко Максим Викторович — кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: fomenkomv@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [3209-7309](https://elibrary.ru/3209-7309)

Аннотация

Статья посвящена коммуникативным аспектам вооруженного противоборства России (СССР) и Японии в 1904–1945 годах. Рассмотрены вопросы межкультурного взаимодействия и взаимного восприятия культур, существенно отличающихся в ментально-ценностном контексте. Автором проанализированы влияние агитации и пропаганды на отношение к противнику, механизмы формирования образа врага и его трансформации в условиях реальных боевых действий.

Ключевые слова

Вооруженный конфликт, межкультурное взаимодействие, образ врага, пропаганда, русско-японская война.

Войны и военные конфликты являются неотъемлемой составляющей истории человечества с древнейших времен до наших дней. Первая половина XX столетия выделяется в данном контексте масштабностью вооруженного противостояния и количеством унесенных человеческих жизней. Две мировые войны и ряд кровопролитных локальных конфликтов существенно изменили представления о технологиях, тактике, стратегии, дипломатическом обеспечении военного противоборства. Данным вопросам посвящен значительный пласт исследовательских работ, как научного, так и публицистического характера. Аспектом, изученным не в полной мере, остается проблема взаимоотношений и взаимовлияния культур, происходящих одновременно со взаимным истреблением и воспитанием ненависти к врагу.

Для России, принимавшей непосредственное участие в абсолютном большинстве военных конфликтов рассматриваемого периода (включая обе мировые войны), постановка вопроса в подобном ключе всегда является актуальной. Многонациональная страна безальтернативно вовлечена в процесс взаимодействия культур, то есть в определенном смысле представляет собой часть глобальной системы межкультурных коммуникаций. К сожалению, именно в ходе вооруженного противостояния различия между культурами проявляются наиболее «рельефно», а характерные черты, свойственные той или иной культуре, находят свои выражения в словах и поступках представителей воюющих сторон.

В связи с этим важно попытаться понять механизм влияния военных действий на процесс межкультурной коммуникации, а также особенностей культуры на характер вооруженного противостояния. В данном контексте война представляется автору своеобразной формой межкультурной коммуникации, пусть экстремальной, но при этом являющейся достойным объектом для подробного анализа.

Одним из ключевых вопросов, составляющих суть проблемы, является проверка в реальных военных условиях тех стереотипов и предрассудков, которые складываются у представителей различных культур друг о друге в мирное время. В данном плане небезынтересен аспект трансформации представлений о противнике, происходящей в ходе конфликта. Речь в этом случае идет вовсе не о том образе, который с различной степенью успеха создается пропагандой воюющих стран, когда монолитный образ врага помогает сплотить народ в борьбе. Влияние массовой агитации и пропаганды на настроения людей, в той или иной мере вовлеченных в войну, не стоит преуменьшать, однако зачастую представления о противоположной стороне вооруженного противостояния складываются вопреки официальной точке зрения и даже противоречат ей.

Еще одним аспектом, требующим актуализации и подробного рассмотрения в рамках изучения данной проблемы, является влияние менталитета и системы ценностей представителей культур, вовлеченных в боевые действия, на характер данных боевых действий: их жесточенность, уровень потерь, отношение командования к подчиненным, жестокость или гуманность в обращении с военнопленными и т. д. Интересен и обратный эффект — приобретение, пусть и временное, в ходе военных действий новых, ранее нехарактерных для представителей отдельно взятой культуры черт.

* * *

Если рассматривать войны исследуемого периода в хронологическом порядке, то первым крупным военным конфликтом, в котором Российская Империя приняла длительное непосредственное участие, стала русско-японская война 1904–1905 гг. Она особенно интересна автору данной работы, так как представляет собой столкновение двух культур, кардинально отличающихся друг от друга по многим параметрам. Очевидно, что менее знакомой автору культурой в этом случае является японская.

Анализируя те черты и особенности национальной культуры японцев, которые могли существенно повлиять на характер боевых действий, нужно, прежде всего,

отметить их отношение к жизни и смерти, месту человеческой жизни и вообще человека в системе ценностей и норм. Следует подчеркнуть, что именно система ценностей и норм является стержнем любой культуры.

По мнению С.Б. Переслегина и Е.Б. Переслегиной, исследовавших более позднюю войну на Тихом океане (1941–1945 гг.), природно-географические условия японских островов с их постоянными тайфунами и цунами, суровым климатом и непредсказуемыми капризами погоды породили «культуру утонченную и жестокую, ориентированную на смерть, а не на жизнь»¹. Не вдаваясь в подробности особой самурайской этики и ее многочисленных проявлений в художественных произведениях, можно лаконично заметить, что смерть в бою являлась не просто достойнейшим завершением жизненного пути правильно воспитанного японца — она сознательно эстетизировалась, приобретая черты прекрасного. Впрочем, подобная эстетика в наибольшей степени была характерна для традиционного ритуального самоубийства сэппуку, которое получило широкое распространение (если не сказать, «второе рождение») в период Второй мировой войны и не являлось массовым явлением в ходе гораздо более успешной для страны войны русско-японской.

В данном контексте представляется возможным однозначно утверждать, что в качестве противника России на Дальнем Востоке выступали носители культуры с ярко выраженными воинскими ценностями, унаследованными из глубокой древности и возродившимися в эпоху принципиально новых военно-технических и тактических возможностей. К этому следует добавить, что многовековая ограниченность природных ресурсов островного государства заставляла японцев максимально тщательно подходить к изучению своего противника, его реального потенциала, сильных и слабых сторон. В случае с подготовкой войны против России это проявилось не только в регулярном сборе текущей информации о состоянии армии и флота, но и в тщательном изучении опыта предыдущих войн, в которых участвовала русская армия. Так, для исследования стиля ведения войны, которого придерживались русские, японские военные делегации направлялись в Болгарию, где буквально следовали по былым маршрутам движения русских войск в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., живо интересуясь причинами их успехов и неудач². Подобное отношение свидетельствует не

¹ Переслегин С.Б., Переслегина Е.Б. Тихоокеанская премьера. М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2001. С. 45.

² См.: Османов Е.М. Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию окончания войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_yaponskiy_shpionazh/pre.html (дата обращения: 10.02.2017).

только о высоком уровне военного мышления и работы соответствующих специальных служб, но и о четком следовании древним конфуцианским правилам, предписывающим максимальную сосредоточенность в подготовке к важным делам.

Полная психологическая готовность японцев к войне также давала им ряд неоспоримых преимуществ над Россией, где единая линия в отношении к предстоящему конфликту отсутствовала даже среди представителей высшего руководства страны. Наиболее негативным фактором, осложнявшим трезвую оценку потенциального противника, было восприятие японцев в значительной части российского общества как «азиатов» (в крайнем проявлении — вообще «макак»), ни по каким параметрам не способных сравниться с цивилизованными странами, а тем более — с Великой Россией³.

Подобная уничижительная оценка заранее способствовала расстановке победителей и побежденных по их «законным» местам и являлась не просто классической недооценкой соперника, а полноценным российским шапкозакидательством. Вполне естественным для того времени было и почти полное незнание основ культуры потенциального противника вкупе с нежеланием ее подробно изучать.

Ход военных действий и, что самое главное, исход ряда сражений на суше и на море несколько менял первоначальные представления о японцах как оппонентах в военном деле. Высокий уровень тактической выучки и бесстрашие, проявленное, например, в яростных атаках пехоты на русские укрепления в Порт-Артуре (достаточно вспомнить о двух погибших сыновьях генерала Ноги и принце крови, павшем при штурме горы Высокой⁴), заставляло русских офицеров и солдат невольно отклоняться от стереотипов, навязанных прессой и массовым сознанием. Интересно, что привычные штампы при этом не заменялись, а дополнялись новыми представлениями. Так, Е.С. Сенявская, говоря о противоречивости восприятия русскими японцев, цитирует воспоминания офицера-медика В.П. Кравкова, который сначала рассуждал об ожидании «со стороны японцев ночных внезапных движений, преимущественно

³ См.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; Она же. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М.: РОССПЭН, 2006.

⁴ См.: Уткин А. Красный гаолян // Вокруг света. 2005. № 2. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/572/> (дата обращения: 10.02.2017).

обходных, до чего они большие охотники и ловкие артисты», а затем вновь возвращался к образу «косоглазых макак»⁵.

Данный пример показывает, насколько глубоко этнокультурные стереотипы и предрассудки укоренились даже в сознании представителей образованных слоев населения, не говоря уже о преимущественно крестьянской солдатской массе Русской императорской армии начала XX века.

В восприятии японцев Россия, безусловно, являлась страной европейской, что накладывало значительный отпечаток на отношение к противнику. Погребение павших русских солдат и офицеров с воинскими почестями, разрешение пленным офицерам под письменное честное слово (не воевать больше против Японии) с личным оружием вернуться домой после сдачи Порт-Артура⁶, другие формы проявления уважения к побежденным не являлись исключениями в ходе войны. Все это резко контрастировало с отношением японцев к попавшим в плен китайцам, которые зачастую попросту массово истреблялись. Там, где война против «европейцев» требовала соблюдения определенных приличий, со «своими» («азиатами») можно было не церемониться. Впрочем, на уважительное отношение японцев к русским как к врагу не могли не повлиять такие факторы, как проявленные на поле боя храбрость, героизм, воинская доблесть. Японцы, приверженные традиционным самурайским ценностям, высоко оценили противника, способного на стойкость и самоотверженность в бою.

С другой стороны, многие японцы искренне не понимали, как можно было сдать на милость победителю крепость, отражавшую штурмы одиннадцать месяцев. «Мы предполагали, что вы будете обороняться до самой центральной огады», — именно так якобы сказал один из японских офицеров, принимавших капитуляцию в Порт-Артуре⁷.

В данном случае бескомпромиссная воинская культура столкнулась с примером массовой сдачи в плен в условиях, когда сопротивление русских войск было еще теоретически возможно и, с точки зрения японцев, безальтернативно. В рамках такой парадигмы крепость была не взята в честном бою на уничтожение, а сдалась сама, что в некотором смысле снижало ценность победы в глазах ее непосредственных творцов.

⁵ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России; Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. М.: Воениздат, 1991. Вып. 1. С. 259–286.

⁶ См.: Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2014.

⁷ Уткин А. Указ. соч.

Необходимо отметить, что, будучи более «азиатской» по своему культурному типу, Япония оказалась более «европейской», чем Россия, в освоении многих новинок военного дела рубежа XIX–XX веков. Это касалось не только технических, но и кадровых аспектов, качества управления частями и соединениями, применения новых тактических приемов в боях на суше и на море. Не секрет, что именно тотальное поражение в войне (проиграны были все сколь-нибудь значимые сражения) заставило российское руководство перейти к осуществлению полномасштабной военной реформы, принесшей вполне конкретные плоды в начале следующей, Первой мировой войны.

В целом, русско-японская война 1904–1905 гг. оказалась столкновением противников, достойных друг друга. Там, где мужество и отвага с обеих сторон оказывались примерно равными, решающим фактором становилось превосходство в тактике и управлении войсками. Как показали события, обновленная Япония в этом аспекте оказалась сильнее, что заставило многих серьезно задуматься о длительном превосходстве Запада и его интеллектуальной традиции, к которой Россия (по крайней мере, ее элита) была весьма близка, над «диким» Востоком. Победа Японии, в свою очередь, стала одним из мощнейших катализаторов «пробуждения Азии», истинные масштабы которого проявились всего через несколько лет.

* * *

Во второй половине 1930-х гг. Советский Союз в различных формах принял участие сразу в нескольких вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (японо-китайская война, локальные конфликты у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг.). По вполне понятным причинам основным противником советских частей и военных специалистов в данных столкновениях являлись солдаты и офицеры японской армии либо их ближайшие союзники в регионе (например, вооруженные силы марионеточного государства Манчжоу-го). Так, боевые действия в районе реки Халхин-Гол продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и унесли жизни или здоровье десятков тысяч человек с обеих сторон⁸.

Следует отметить, что за почти три с половиной десятилетия, прошедших со времен русско-японской войны 1904–1905 гг., ментальные черты и особенности противников претерпели существенные изменения. В несколько меньшей степени трансформациям подверглась японская система ценностей, прежде всего в силу того,

⁸ См.: Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М.: Новалис, 2014. С. 11.

что страна с момента победы в войне с Российской Империей развивалась эволюционно, не испытывая на себе резких смен политического и социально-экономического строя, раскола элиты и внутреннего вооруженного противостояния. Наиболее важным новшеством было, пожалуй, укрепление самосознания японского народа как носителя ярко выраженной имперской миссии, отличавшейся от целей и задач некогда изолированного островного государства, вынужденного догонять европейские страны, ушедшие далеко вперед в развитии технологий. Следствием этого стало распространение в Японии паназиатской идеологии и милитаристского духа, вполне соответствовавшего традиционным воинским ценностям.

В данном контексте вызывает определенный интерес обращение командира 7-й пехотной дивизии, действовавшей в районе реки Халхин-Гол, к личному составу с призывом к выполнению воинского долга. Документ содержал, в частности, такие слова: «Вы должны идти по пути воинов и только таким образом, раньше или позже, достигнем своей цели. Мы должны умножить эффект нашего военного обучения, чтобы с честью нести звание северной дивизии»⁹. Подобное отношение со стороны командования находило широкий отклик снизу. Среди трофейных документов, оказавшихся в распоряжении Красной Армии, сохранилось завещание японского солдата Аритоси своему сыну Осоваку, датированное 17 июля 1939 года. Некоторые строки этого письма не нуждаются в особых комментариях: «1. Помни, что не страшно умереть за родину, а для сына большая честь быть сыном убитого на войне. 2. Единодушно стойте за государство и добросовестно работайте на пользу обществу»¹⁰.

Таким образом, традиционный для японских вооруженных сил высокий уровень военной подготовки и воинской дисциплины дополнялся концептуальным пониманием (в том числе — на массовом уровне) глобальных целей и задач страны, инструментами достижения которых как раз и являлись армия и флот.

То, что, несмотря на фанатичную преданность своему руководству, личный состав частей и соединений японских вооруженных сил интересовался политическими и идеологическими обоснованиями своих действий, придавая им определенное значение, не подлежит сомнению. Например, в захваченном в ходе июльских боев письме военнотружашего Касавра (так в переведенном тексте) семье давалась

⁹ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 209.

следующая оценка причин участия японских войск в конфликте, первоначально названном в самой Японии Номонханским инцидентом: «Зачем нужно было третьей стране переходить границу и вступать в это место, где не ступала нога человека, и можно придти к убеждению, что за этим кроется какая-то безжалостная, захватническая политическая хитрость. Эти захватнические военные действия явились результатом внутренней кровавой политики и движения внутри этой третьей страны, что и завершилось переходом границы»¹¹. Несложно догадаться, что под «третьей страной» подразумевался СССР, при этом, судя по тексту, до японских солдат и офицеров доносились даже некоторые сведения о репрессиях в стране.

Анализ данных источников приводит к выводу о том, что, как и за три десятилетия до событий в районе реки Халхин-Гол, японские вооруженные силы являлись сильным и крайне опасным противником. Солдаты и командный состав, как и прежде, были воспитаны в духе древних самурайских традиций, а части и соединения вооружены вполне современной техникой, обеспечивавший ведение войны в соответствии со всеми требованиями своего времени.

Это нехотя признавали и советские военные руководители. Так, по словам Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича, написанным в его донесении наркому обороны К.Е.Ворошилову 5 июля 1939 года, «самое сильное у японцев — много пехоты и авиации. Придумали хорошее средство для поджигания танков»¹². Сам К.Е. Ворошилов в одной из своих директив 12 июля того же года (документ был составлен в соавторстве с Б.М. Шапошниковым) признавал: «Японцы в бою действуют организованнее и тактически грамотнее, чем мы»¹³.

С мнением советского командования были вполне солидарны и рядовые участники конфликта, а также младший командный состав. Как отмечал в своих воспоминаниях снайпер М. Попов, всем аспектам «военной экипировки японцы уделяли самое серьезное внимание, чего нельзя сказать о наших войсках»¹⁴. Высоко были оценены такие качества японских солдат, как стойкость в бою, доходящая до фанатизма. Командир пулеметной роты В. Давиденко вспоминал: «Вообще, надо честно признать: фанатизм и самоотверженность японского солдата поражали. В моей роте был такой случай. Красноармеец Татарников, обнаружив в окопе раненого японца,

¹¹ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 152.

¹² Там же. С. 166.

¹³ Там же. С. 184.

¹⁴ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура / Сост. А. Кошелев. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 108.

решил взять его в плен. Приставил штык к груди и приказал сдаваться. Но самурай, ухватившись за штык обеими руками, вогнал его себе в живот»¹⁵. По словам командира взвода разведки Н. Богданова, «японцам не откажешь ни в мужестве, ни в стойкости. Они дрались на Халхин-Голе упорно, отчаянно, зачастую до последнего солдата, и наносили нам чувствительные потери. Их приходилось выбивать, выжигать буквально из каждого окопа, блиндажа, из каждой щели»¹⁶.

Таким образом, даже если на момент начала конфликта относительно японцев имелись какие-либо иллюзии, они были достаточно быстро (и, что немаловажно, — вполне трезво) рассеяны реальными боями. Слабости японской армии, отмеченные по итогам конфликта (такие, например, как крайне неохотная смена огневых позиций артиллерии¹⁷), еще нужно было отыскать.

Говоря о ментальных особенностях и ценностных установках бойцов и командиров Красной Армии, следует подчеркнуть, что в нашей стране в период между двумя столкновениями с Японией произошли колоссальные перемены, затронувшие практически все сферы индивидуальной и общественной жизнедеятельности. Например, сложно переоценить результаты образовательной политики Советского государства, обеспечившие почти поголовную грамотность личного состава РККА. Конечно, общий уровень образования командиров мог существенно уступать таковому у офицерского корпуса Русской императорской армии начала XX века, однако это, как ни странно, давало и определенные преимущества, делая социальный состав советских вооруженных сил относительно гомогенным и обеспечивая определенное единство картины мира начальников и подчиненных.

Несмотря на крайнюю степень идеологизации воспитательного процесса в СССР, система ценностей у молодых советских людей подразумевала отрицание расовых и иных биологических предрассудков, что выгодно отличало ее от мировоззрения многих жителей Российской Империи начала века в контексте

¹⁵ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура. С. 135.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ См. подробнее: *Белаш Е.* Халхин-Гол: Проба сил несостоявшейся войны // Warspot. ru [Военно-исторический портал]. URL: <http://warspot.ru/3150-halhin-gol-proba-sil-nesostoyavshesya-voyny> (дата обращения: 11.02.2017); *Белаш Е.* Танковые бои на Халхин-Голе // Warspot. ru [Военно-исторический портал]. URL: <http://warspot.ru/2504-tankovye-boi-na-halhin-gole> (дата обращения: 11.02.2017); *Коломиец М.В.* Танки на Халхин-Голе. Необъявленная война Сталина. М.: Яуза; Эксмо; Стратегия КМ, 2013; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М.: Политиздат, 1989; На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев-участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году / Сост. Н.М. Румянцев. Л.: Лениздат, 1989; *Симонов К.М.* Далеко на востоке. Халхин-Гольские записки. М.: Художественная литература, 1985; Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. / Под общ. ред. М.В. Захарова. М.: Наука, 1969.

восприятия противника. Несколько наивное классовое мышление, страдая известными недостатками, тем не менее, заставляло видеть во врагах прежде всего людей, пусть и относящихся к классово родственным или, наоборот, классово чуждым социальным слоям. Упор в советских пропагандистской литературе и художественных произведениях 1930-х годов делался на воспитании ненависти к японскому правительству и руководству армии, но никак не к широкой массе «угнетаемого» населения¹⁸.

Следует подчеркнуть, что японцы по достоинству оценили роль воспитательной работы, проводившейся советским командованием среди красноармейцев. Особенно это касалось деятельности политработников непосредственно в войсках. Так, в материалах допросов пленного майора авиации Харада цитировалось следующее мнение офицера о Красной Армии: «Глубина политического воспитания в армии достойна восхищения. Во время настоящего инцидента я видел, что все командиры и красноармейцы понимают значение и смысл инцидента, с одинаковой сознательностью принимали участие в боях»¹⁹.

С одной стороны, такие «реверансы» в адрес вражеской армии можно было отнести к выдаче советскими разведслужбами, осуществлявшими перевод ответов японского офицера, желаемого за действительное. С другой стороны, далее в тексте приводятся и критические замечания пленного в адрес советской системы: «И офицеры, и солдаты в разговорах повсюду наделяют вражескую армию и вражескую страну наихудшими качествами варварства и дикости, в то же время, превознося свою страну, как справедливую и наилучшую в мире». По мнению Харада, «это несправедливо и похоже на брань... В общем бранливые (орфография источника сохранена — М.Ф.) слова по адресу иностранных государств не являются взглядом великого народа, и я желаю, чтобы Советское государство, являющееся великой страной, изменило это положение»²⁰.

В данном случае речь идет о типичных формах взаимного восприятия противников в ходе ожесточенных военных конфликтов, когда по обе стороны линии

¹⁸ См.: Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/35_2012livshin_lozhkina.htm (дата обращения: 10.02.2017); Невежин В.А. «Если завтра в поход ...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М.: Яуза; Эксмо, 2007; Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008.

¹⁹ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 294.

²⁰ Там же.

фронта складывается образ врага-варвара. При этом под варварством понимаются не только случаи реальной жестокости (например, бесчеловечного обращения с пленными или местным населением), но и непонятные, чуждые той или иной воюющей стороне обычаи и традиции, ритуалы. Е.С. Сеньявская в качестве примера такого «культурного шока» приводит реакцию советских бойцов на сожжение японцами трупов своих погибших солдат²¹. В боевых документах исследуемого периода встречаются привычные описания варварских приемов ведения войны вроде «самураи наступали пьяные, в сомкнутых строях»²².

Впрочем, рефлексия пленного японского летчика, выдающая глубокий анализ взаимного восприятия, показывает не только высокий уровень его образования, но и определенное уважение к противнику в духе высших самурайских ценностей.

Следует также оговориться, что осознание врага как варвара, а его культуры — как варварской, оправдывающее формирование ненависти к нему, все же в гораздо меньшей степени характерно для кратковременных локальных военных конфликтов, чем для тотальных войн. Поэтому в материалах допроса майор Харада открыто утверждал, что «для Японии нет необходимости воевать с Советским Союзом»²³. Несмотря на свою ожесточенность, боевые действия на Халхин-Голе так и не переросли в большую войну, а потому они не породили атмосферы всепоглощающей взаимной ненависти, которая была столь характерна, например, для Великой Отечественной войны. Отсутствие животной ненависти к врагу отличает и письма японских военнослужащих к родным. Так, в письме Ивата Фукуто от 25 августа 1939 года автор, говоря о причинах поражений японских войск, отмечал следующее: «Мы недостаточно работаем для родины, поэтому так активно действует противник»²⁴. Столь самокритичное замечание вряд ли вышло бы из-под пера человека, ослепленного чувством «праведного гнева» к варварам.

В связи с этим представители противоборствующих сторон достаточно спокойно и буднично отмечали достоинства друг друга. Так, упомянутый выше майор Харада рассуждал о таком привычном для восприятия русского солдата извне качестве, как неприхотливость: «Я считаю, что уровень жизни красноармейца по сравнению с

²¹ См.: Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 311–318.

²² Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 175.

²³ Там же. С. 295.

²⁴ Там же. С. 330.

японским солдатом ниже. Однако великолепно то, что низкий уровень жизни красноармейцев скорее усиливает их, чем ослабляет»²⁵.

Командир японского 4-го танкового полка полковник Тамада также давал весьма высокую оценку советским войскам: «У нас было предубеждение, что русские воюют непродуманно и неумело, но увидев их в боях... Не стоит недооценивать боевой дух противника. При бое на близких дистанциях они не отступали, а некоторые, оказавшись в окружении, подрывали себя гранатами...»²⁶ По мнению офицера-танкиста, «степень подготовленности противника была выше, чем ожидалось»²⁷.

Необходимо отметить, что обоюдные трезвые и спокойные оценки противника, характерные для боевых документов и допросов военнопленных, почти никак не коррелировались со стилистикой официальной агитации и пропаганды. В листовках политотделов советских частей и соединений, предназначенных для прочтения личным составом, присутствовали и «самурайская сволочь», и «обезумевшие бандиты» с «подлыми хищниками»²⁸. С другой стороны, для поднятия боевого духа красноармейцев, особенно накануне решающего наступления, подобные «разъяснения» качеств противника были вполне применимы и даже оправданы.

На уровне служебной (и особенно — секретной) документации, предназначенной для прочтения узким кругом руководителей, тон и лексика были совершенно иными. Интересным фактом, по мнению автора данной статьи, является практически полное соответствие некоторых материалов советских аналитиков (составлявших, например, служебные выпуски ТАСС) традиционным ментальным установкам отечественной интеллигенции. Как и в материалах допросов японских военнопленных, в аналитических документах буквально «сквозит» повышенный интерес к оценочным суждениям зарубежных представителей, и не только военных, о Советском Союзе в целом и Красной Армии в частности.

Так, в служебном выпуске ТАСС от 5 октября 1939 года содержится обширная выписка из статьи, опубликованной накануне в токийской газете «Асахи». Передовица была посвящена итогам «Номоньханских событий» и, по сути, содержала признание поражения японских войск в конфликте на реке Халхин-Гол. О противнике в ней были написаны, например, такие строки: «До сих пор народ не знал, до какой высокой

²⁵ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 294.

²⁶ Коломиец М.В. Бои у реки Халхин-Гол. М.: Стратегия КМ, 2002. С. 46–47.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 317.

степени оборудованы моторизованные части войск Советского Союза. Теперь найдется немало людей, пораженных такой неожиданностью»²⁹.

Таким образом, локальные конфликты второй половины 1930-х годов стали реальной проверкой взаимных этнических стереотипов и предрассудков, сложившихся у противоборствующих сторон за предшествующий период. Несмотря на активную агитацию и пропаганду, в целом СССР и Япония достаточно трезво оценили возможности друг друга и сохранили определенное взаимное уважение, ставшее результатом ожесточенных, пусть и относительно кратковременных, сражений.

* * *

Следующим (и, на сегодняшний день, последним) вооруженным конфликтом между двумя странами стала советско-японская война 1945 года. Вооруженные силы СССР и Японии подошли к ней, находясь в диаметрально противоположных состояниях.

Красная Армия, несмотря на огромные потери, понесенные в Великой Отечественной войне, являлась армией — победительницей нацизма, и по праву считалась мощнейшей сухопутной силой в мире. Ее ряды включали в себя сотни тысяч ветеранов битв в Европе, имевших за плечами колоссальный опыт маневренной войны и преодоления обороны любой степени сложности. Великая Победа вселила в людей уверенность (иногда, правда, граничившую с самоуверенностью) не только в своих силах, но и в своей безоговорочной правоте в любом военном конфликте.

Например, участник боевых действий гидроакустик корабля ВМФ СССР В. Воробьев утверждал, что «особого страха перед японцами мы не испытывали — в отличие от тех же американцев, для которых самураи были страшными (в прямом значении этого слова) противниками... Мы же относились к ним, как к противнику, с уважением, но и только»³⁰.

Японская армия и флот, наоборот, к августу 1945 года проиграли все решающие сражения на Тихоокеанском ТВД (театре военных действий) и, по большому счету, могли надеяться только на фанатичное сопротивление с целью нанести врагу как можно большие потери. При этом, конечно, сами по себе фанатичность и самоотверженность личного и командного состава японских вооруженных сил никуда не делись, оставаясь одной из «визитных карточек» Страны

²⁹ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. С. 426–427.

³⁰ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура. С. 397.

Восходящего Солнца. В целом, по своим моральным качествам стороны вполне стоили друг друга.

Следует подчеркнуть, что советский агитационно-пропагандистский аппарат подошел к морально-политической подготовке своих войск со всей серьезностью. Солдатам и офицерам, по сути, внушалась мысль об исторической преемственности новой войны с событиями 1904–1905 годов. Войсковой разведчик г. Калачев вспоминал: «Закончили мы войну в Порт-Артуре. Как же мы рвались туда, как мечтали рассчитаться с самураями за поражение в первой русско-японской войне! Помню, еще когда ехали на Дальний Восток, все зачитывались романом “Порт-Артур”, много публикаций об этом было в армейской печати. Да и потом, уже во время наступления, политруки все время твердили: наше дело правое, это возмездие за все прежние японские преступления, восстановление исторической справедливости. Так и Сталин сказал в своем победном обращении: разгромив Японию, мы смыли “черное пятно” из народной памяти»³¹.

Набор японских качеств, ценностей и норм, отмеченных советскими воинами в 1945 году, в целом мало отличался от восприятия периода боев на Хасане и Халхин-Голе. Солдаты противника характеризовались, как правило, следующим образом: «бойцы они были хорошо обученные, стойкие и дрались до последнего»³². С другой стороны, резко бросалось в глаза большее по сравнению с предыдущими вооруженными конфликтами число атак «камикадзе». В отличие от морского ТВД, где действовали в основном летчики-смертники, на суше это были чаще всего пехотинцы с минами, стремившиеся уничтожить советские танки ценой собственной гибели, или пулеметчики, прикованные к своим позициям.

Командир танковой роты А. Фадин так описал последствия подобной атаки: «Объезжая убитых, я обратил внимание, что у некоторых из них бамбуковые шесты длиной метра четыре, на конце которых что-то вроде немецкого фаустпатрона, — только, в отличие от гитлеровцев, японский солдат должен был не выстрелить этим кумулятивным зарядом по танку, а, добежав до цели с шестом наперевес, ткнуть миной в борт, подрывая не только танк, но и самого себя. Видимо, бойцы-смертники были тогда в японской армии обычным явлением»³³. Как утверждал войсковой разведчик В. Иванов, «рассказы о японских смертниках, прикованных к пулеметам, — это не

³¹ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура. С. 341.

³² Там же. С. 314.

³³ Там же. С. 306.

домыслы, не пустые слухи или фронтовые легенды... Я собственными глазами видел такого камикадзе в Цзямусах, уже мертвого»³⁴.

Необходимо отметить, что различия между европейским и японским пониманиями героизма и самопожертвования достаточно очевидны — если для европейца (в том числе — для русского / советского человека) это вопрос сознательного рационального выбора, построенного на критерии целесообразности героического поступка, то для японца — априорный священный долг, не требующий особой рефлексии³⁵.

В связи с этим изначально обреченные на гибель и часто безрезультатные действия солдат противника вызвали ярко выраженное непонимание у опытных бойцов Красной Армии, приученных и приучивших себя воевать грамотно и расчетливо. С другой стороны, офицер-танкист Д.Ф. Лоза, ставший свидетелем одной из немногих самоубийственных атак японских летчиков на советскую танковую колонну, считал, что «смертники» — «это безусловно сильное оружие, особенно при хорошей организации его применения»³⁶.

Характерной чертой, подмеченной советскими солдатами и офицерами у японцев, была их высокая дисциплинированность, даже после сдачи в плен. Радист В. Косолапов вспоминал, как его «удивила их дисциплина — до самого конца они продолжали беспрекословно подчиняться своим офицерам»³⁷. Сдачу в плен одного из японских офицеров описал Д.Ф. Лоза: «Он с дрожью в руках отстегнул от ремня самурайский меч, подержал его несколько минут почти на вытянутых руках, крепко поцеловал и только тогда, бережно положив его на землю, отошел, низко опустив голову»³⁸.

Возможно, в данном случае удивление советских военных объясняется воспитанными в них еще в 1930-е годы представлениями о японском населении, «угнетаемом» правящими кругами. Такой образ не очень вязался в сознании с реальными взаимоотношениями солдат и офицеров в поверженной Квантунской армии.

Что касается восприятия японцами своих визави, то в силу скоротечности кампании на Дальнем Востоке они не получили достаточных возможностей для рефлексии по поводу образа врага. Удар отобилизованной, оснащенной по

³⁴ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура. С. 314.

³⁵ См.: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 311–318.

³⁶ *Лоза Д.Ф.* Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 266.

³⁷ Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура. С. 353.

³⁸ *Лоза Д.Ф.* Указ. соч. С. 264.

последнему слову военной техники и имевшей гигантский боевой опыт Красной Армии оказался по-настоящему сокрушительным, хотя и стоил Советским Вооруженным Силам немало пота и крови. Ожесточенное сопротивление японских частей и соединений на направлении главных ударов трех советских фронтов было относительно быстро сломлено, что привело к окончательному краху Японии во Второй мировой войне. Для противоборствовавших держав начался новый этап взаимоотношений и взаимного восприятия, на сей раз в условиях принципиально иного миропорядка.

Список литературы:

1. *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2014.
2. *Белаиш Е.* Танковые бои на Халхин-Голе // Warspot. ru [Военно-исторический портал]. URL: <http://warspot.ru/2504-tankovye-boi-na-halhin-gole> (дата обращения: 11.02.2017).
3. *Белаиш Е.* Халхин-Гол: Проба сил несостоявшейся войны // Warspot. ru [Военно-исторический портал]. URL: <http://warspot.ru/3150-halhin-gol-proba-sil-nesostoyavsheysya-voynu> (дата обращения: 11.02.2017).
4. Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М.: Новалис, 2014.
5. Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. М.: Воениздат, 1991. Вып. 1.
6. *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008.
7. *Коломиец М.В.* Бои у реки Халхин-Гол. М.: Стратегия КМ, 2002.
8. *Коломиец М.В.* Танки на Халхин-Голе. Необъявленная война Сталина. М.: Яуза; Эксмо; Стратегия КМ, 2013.
9. *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М.: Политиздат, 1989.
10. *Лившин А.Я., Ложкина А.С.* «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/35_2012livshin_lozhkina.htm (дата обращения: 10.02.2017).
11. *Лоза Д.Ф.* Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

12. На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев-участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году / Сост. Н.М. Румянцев. Л.: Лениздат, 1989.
13. *Невежин В.А.* «Если завтра в поход ...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М.: Яуза; Эксмо, 2007.
14. *Османов Е.М.* Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию окончания войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005.
URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_yaponskiy_shpionazh/pre.html (дата обращения: 10.02.2017).
15. *Переслегин С.Б., Переслегина Е.Б.* Тихоокеанская премьера. М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2001.
16. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М.: РОССПЭН, 2006.
17. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
18. *Симонов К.М.* Далеко на востоке. Халхин-Гольские записки. М.: Художественная литература, 1985.
19. *Уткин А.* Красный гаолян // Вокруг света. 2005. № 2. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/572/> (дата обращения: 10.02.2017).
20. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. / Под общ. ред. М.В. Захарова. М.: Наука, 1969.
21. Я дрался с самураями. От Халхин-Гола до Порт-Артура / Сост. А. Кошелев. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

Fomenko M.V.

**Evolution of the Image of the Enemy. Russian-Japanese Military
Opposition and Mutual Perception in the First Half of the XX Century**

Maxim V. Fomenko — Ph.D., School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: fomenkomv@spa.msu.ru

Annotation

The article is devoted to the communication aspects of the military opposition between Russia (USSR) and Japan in 1904–1945. The issues of intercultural interaction and mutual perception of essentially different cultures are considered. The author also examines the influence of propaganda on the attitude towards the enemy, the methods of the image of the enemy formation and its transformations in the conditions of a real military action.

Keywords:

Military conflict, intercultural interaction, image of the enemy, Russian-Japanese war.